

Состояние, в котором они вернулись той ночью, было довольно плачевным — Чэн Сюя всю дорогу рвало.

Когда они покинули клуб, Чжэн Икунь хотел донести Чэн Сюя до ближайшего отеля, но Сюй Танчэнь ему не позволил этого и решил сам забрать Чэн Сюя. Стоявший рядом парень, кажется, понял, о чём идет речь, и начал суетиться и требовать вернуться в общежитие. Он даже захотел туда доехать. Он вцепился в дверцу машины, отказавшись отпустить. У Сюй Танчэня не было иного выбора, кроме как сесть с ним в машину на заднее сиденье.

Укачивание не было чем-то, что могло бы измениться, если человек выпьет. На протяжении всей поездки И Чжэ то и дело останавливался, и, когда Чэн Сюй выбирался, согнутый пополам и поддерживаемый Сюй Танчэнем, его тошнило, и он возвращался назад.

Поначалу Чжэн Икунь ничего не говорил. Когда Чэн Сюй присел на корточки, и его вырвало, он похлопал его по спине и нахмурился. Но с каждым разом лицо Чжэн Икуня становилось всё более недовольным. Наконец, он больше не смог этого терпеть, схватил Чэн Сюя за руку, желая увести его.

Чэн Сюй больше не лип к нему. Когда Чжэн Икунь подошёл, чтобы утащить его, Чэн Сюй дёрнулся, тряхнув рукой со всей силы, а затем спрятался за Сюй Танчэнем. Пристальный взгляд Чжэн Икуня был направлен на Чэн Сюя, который прятал глаза. Спустя несколько секунд он поднёс ко рту зажатую в пальцах сигарету и сжал её зубами. Он больше ничего не говорил.

К тому моменту, как они почти доехали до кампуса, из Чэн Сюя уже вышло всё, чем его могло бы вырвать. Ему оставалось только опереться на Сюй Танчэня и дышать.

Окно автомобиля было широко раскрыто, поэтому и шум был сильнее. Чэн Сюй что-то сказал, но Сюй Танчэнь не услышал его. Он переспросил, но человек, лежавший у него на плече, уже закрыл глаза. Он ещё несколько раз переспросил, но ответа не последовало. Подняв голову, он встретился взглядами с Чжэн Икунем, который в ту же секунду оглянулся.

Из-за произошедшего ранее вплоть до этого момента мнение Сюй Танчэня об этом человеке оставалось неясным. Он не мог точно сказать, был ли Чжэн Икунь хорошим или плохим парнем, так что, когда они переглянулись в тот момент, он не отвёл взгляда, не сделал никаких движений и не изменил выражение лица.

С другой стороны, уголки губ Чжэн Икуня приподнялись, при этом он выглядел так, будто ничто в этом мире не волновало его.

Никто не ожидал встретить Фу Дайцина у общежития.

У Чэн Сюя была сильная близорукость. Была уже поздняя ночь, и на нём не было очков, но он смог с первого взгляда узнать стоявшего неподалеку человека. В отличие от его реакции до этого, Чэн Сюй не начал плакать или суетиться. Когда Фу Дайцин подошёл к нему, он лишь в

изумлении посмотрел на него.

Но Сюй Танчэнь всё это время поддерживал Чэн Сюя, и, так как они стояли очень близко друг к другу, смог разглядеть, как признаки слёз в уголках глаз Чэн Сюя становились более явными.

— Куда ты сбежал? Ещё и вернулся так поздно, — брови Фу Дайцина нахмурились, голос звучал напористо. — Я пытался дозвониться до тебя, но никто не брал трубку. Тётушка сильно беспокоится о тебе, она названивает мне.

Он так много всего сказал, но Чэн Сюй, кажется, не слышал его. Он в ступоре пялился на человека перед собой, будто был медитирующим монахом.

— Чэн Сюй, — видя, что он не отвечает, Фу Дайцин позвал его по имени, после чего вздохнул и снова спросил: — Почему ты не отвечал на звонки?

— Почему... — внезапно невнятно повторил за ним Чэн Сюй, но это слово растворилось в тишине.

Слёзы навернулись уголков на глаза. Чэн Сюй тоже не понимал, почему. Он смотрел, как другой человек подходит к нему — так почему же он заплакал?

Ошеломленный Фу Дайцин наклонился, чтобы посмотреть на Чэн Сюя.

Часы перед рассветом. У тех, кому ещё предстояло проснуться, снились фантастические сны. Ореол луны был хорошо виден, а уличные фонари горели слабо, светили только два. Рядом с ними, кроме слабой искорки на кончике сигареты, которая то загоралась, то тускнела, в этой непроглядной темноте не было иных источников света.

Пятеро стояли у подножия здания, каждая тень длиннее предыдущей. Чэн Сюй понурил голову, но он видел, как другая тень изогнулась, прикоснувшись к другой.

— Почему ты уже женишься... — эти слова прозвучали очень слабо, очень тихо. Рассеявшиеся во мраке ночи, они больше походили на чье-то бормотание во сне, переполненное эмоциями. Последнее слово отзвучало лишь наполовину, когда его прервали слёзы, будто дорожная пробка, вдруг изменив эмоциональное состояние говорящего.

— Разве вы не... знакомы... всего два месяца... — Чэн Сюй поднял руку, но он так и не коснулся Фу Дайцина, вместо этого ухватившись за руку Сюй Танчэня, что мягко обвивала его талию, будто бы он всеми силами старался держаться. — Я знаю тебя двадцать лет... Ты так долго мне нравился...

Чэн Сюй всегда был интровертом, и даже при заказе еды не мог произнести слово «нравится»,

не говоря уже о таком откровенном заявлении. Но после этого его уже было не остановить.

— Когда ты покупаешь мне напиток, это долго радует меня. Когда ты хвалишь меня, это делает меня счастливым... Когда я закончил старшую школу, я был единственным в классе, кто подал заявку в университет в Пекине. Потому что там был ты... Хотя я и знал, что не нравлюсь тебе, и у нас не нет ни шанса, я мог тайно любить тебя. Но когда ты женишься, когда у тебя будет жена, я так больше не смогу. Я не могу тайно любить тебя.

Сюй Танчэнь всё сильнее чувствовал, как человек в его руках неконтролируемо трясётся, и это было нельзя связать с тем «я в порядке», произнесённым им однажды. Чем больше Чэн Сюй говорил, тем сильнее сжималась рука Сюй Танчэня, что лежала у того на талии, и, в конце концов, ему даже захотелось обнять Чэн Сюя и сказать ему: «Давай уйдём отсюда и ляжем спать».

Он не знал, отрезвел ли Чэн Сюй к этому моменту или до сих пор был в состоянии опьянения, но он знал: если всё-таки первое, значит, Чэн Сюй уже достиг стадии разрушения. Столь молчаливый человек, когда дело касалось дел сердечных, мог признаться предмету своего обожания только в двух случаях: если он очень счастлив, либо он находился в состоянии полнейшего отчаяния, и каждое «люблю» из его уст было прямым ударом по его сердцу. Чэн Сюй озвучивал свои привязанности, свою боль, и это означало, что он не собирался смотреть на Фу Дайцина и использовал такой метод самоистязания, чтобы полностью расстаться с ним.

Снова и снова Чэн Сюй задавал один вопрос: «Почему ты женишься?» Фу Дайцин долгое время молчал, прежде чем поднять руку и вытереть слёзы с лица Чэн Сюя. Его действия нельзя было назвать грубыми, но Сюй Танчэню захотелось ударить его по руке, отбросить её и спросить, что он подразумевает под своими действиями. Фу Дайцин произнёс что-то, чего Сюй Танчэнь так долго ждал, но, услышав его «Мне жаль», он в то же время почувствовал нечто знакомое.

Прежде чем в его мозгу сформировалась мысль, тело уже подействовало. Он перевёл взгляд на этого человека.

И Чжэ стоял рядом, его брови были слегка нахмурены, а глаза направлены в его сторону. Когда он увидел, что Сюй Танчэнь смотрит на него, направление его взгляда тут же изменилось, а тело сдвинулось, будто он так спрашивал Сюй Танчэня, в чём дело.

Внезапно Сюй Танчэнь получил более глубокое понимание чувств Чэн Сюя. Не потому, что он разделял их, а потому, что он помнил И Чжэ во время определенного периода в прошлом и помнил боль в сердце в те времена.

Он посмотрел на Фу Дайцина и наконец-то сделал шаг назад, поддерживая Чэн Сюя и заставив руку Фу Дайцина отстраниться от его лица. Фу Дайцин остановился и поднял взгляд, посмотрев на него, но не сдвинулся с места.

Его сердце наполовину остыло. Сюй Танчэнь наклонил голову и спросил у Чэн Сюя:

— Ты хочешь говорить с ним?

Чэн Сюю понадобилось время, чтобы ответить. Он дважды покачал головой.

После этого Сюй Танчэнь обернулся, чтобы позвать И Чжэ, сказав ему, что он доведёт Чэн Сюя до общежития и уложит его спать. И Чжэ подошёл к ним, тихо спросив:

— Справишься с ним? Может, мне провести вас двоих до комнаты?

Сюй Танчэнь покачал головой, посмотрел на Чжэн Икуня, который опёрся о дверь машины и всё это время курил.

— Езжай домой, когда отправишь Чжэн Икуня обратно. Веди медленно.

Когда они уходили, Фу Дайцин не остановил их. Он не издал ни звука и остался на своём месте, глядя на них издали. Сюй Танчэнь закрыл дверь, и в громком звуке, который она издала, послышалось отчаяние тишины, последовавшей за этим.

И Чжэ немного подождал. Видя, что его телефон по-прежнему молчит, он, наконец, позвал Чжэн Икуня. Фу Дайцин всё ещё был там. Чжэн Икунь зажал сигарету между пальцев и затушил её о мусорное ведро. Он продолжал смотреть на Фу Дайцина до тех пор, пока не был вынужден отвернуться.

В машине остались только И Чжэ и Чжэн Икунь. Им было не о чем говорить. Только доехав до перекрестка, когда надо было выбрать дорогу, И Чжэ спросил:

— Возвращаешься на стадион «Пролетарий» или домой?

Чжэн Икунь расстегнул ещё одну пуговицу на своей рубашке. Он ответил:

— Подвези меня до дома. Туда же, куда и в прошлый раз.

Он зажёл очередную сигарету и откинулся на сиденье. Стекло не было опущено. Ветер ворвался в машину, и только тогда И Чжэ заметил, что на Чжэн Икуне не было никакой куртки. В холодную зимнюю ночь ветер обдувал его рубашку, она прилипла к его телу.

Он ничего не сказал и нажал на кнопку, чтобы поднять стекло. Однако Чжэн Икунь возразил:

— Не надо. Мне не холодно. Если мне не изменяет память, того мужчину, который заставил Чэн Сюя так расплакаться, зовут Фу Дайцин, да?

— Я не уверен, — ответил И Чжэ.

Но Чжэн Икуня не волновало, уверен он или нет. Как и раньше, он растянулся на переднем пассажирском сидении и заговорил будто сам с собой.

— Он ведь предприниматель, — парень выдохнул облако дыма, после чего с усмешкой отвернул голову. — Тот, кто прошёл через все трудности делового мира. И этот ублюдок не смог увидеть чувства Чэн Сюя к нему? Не смог положить им конец? Я не верю в это.

Своими словами он заставил И Чжэ застыть на долю секунды. Загорелся красный сигнал светофора. Их автомобиль остановился перед пустом перекрестком. И Чжэ ненадолго задумался. Прежде чем отпустить тормоза, он спросил:

— Вы с Чэн Сюем вместе?

— А разве это вообще возможно? — усмехнувшись, ответил Чжэн Икунь.

От его ответа И Чжэ почувствовал себя некомфортно. Его брови нахмурились. Он взглянул на него и продолжил спрашивать:

— Он тебе нравится?

— Да, — без промедления ответил Чжэн Икунь. Он подобрал пустую бутылку из-под минеральной воды, лежавшую между ними, и стряхнул в нее пепел. — Добродушный и милый. Конечно, он мне нравится.

Даже И Чжэ расслышал, насколько беспечно прозвучало это «нравится».

— Вы будете встречаться?

Это был его последний вопрос.

<http://bllate.org/book/13101/1158737>